

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 237–244

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 237–244

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-237-244>, EDN: HITTKD

Научная статья

УДК 811.161.1:808.51

Нерегламентированная реплика как жанр парламентской речи (на материале русского парламентского дискурса начала XX века)

С. А. Громыко

Вологодский государственный университет, Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, ling2007@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4256-9815>

Аннотация. Статья посвящена реплике как особому жанру русской парламентской речи. Анализируются различные подходы к парламентским жанрам. Парламентский дискурс рассматривается как институциональный, имеющий динамичную жанровую структуру. Устанавливаются институциональные ограничения, накладываемые на высказывания в форме реплики, делается вывод о роли регламента в формировании системы жанров дискурса, разграничиваются нерегламентированная и регламентированная реплики. На материале думских дискуссий начала XX века рассматриваются нерегламентированные реплики с места, доказываются их жанровый статус, производится классификация парламентских реплик в коммуникативном аспекте. В статье представлены результаты анализа более 200 высказываний членов Государственной Думы с места, зафиксированных официальными стенограммами. Выделяются реплика-вопрос, реплика-ответ и императивная реплика. Делается вывод о провокативном характере парламентского жанра реплики. Разграничиваются функциональные особенности двух типов реплик: регламентированная реплика конвенциональна и диалогична, нерегламентированная реплика агрессивна и провокативна. В качестве основных признаков нерегламентированной реплики выделяются ненормативность с точки зрения регламента, сверхкраткость (одна фраза), реактивность, экспрессивность, оценочность, провокативность.

Ключевые слова: реплика, жанр, парламентская речь, парламентский дискурс, институциональный дискурс, провокативность, парламентский регламент, конвенциональность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

Для цитирования: Громыко С. А. Нерегламентированная реплика как жанр парламентской речи (на материале русского парламентского дискурса начала XX века) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 237–244. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-237-244>, EDN: HITTKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Unrestricted remark as a genre of parliamentary speech (based on Russian parliamentary discourse of the early XX century)

S. A. Gromyko

Vologda State University, 15 Lenina St., Vologda 160000, Russia

Sergey A. Gromyko, ling2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4256-9815>

Abstract. The article deals with the remark as a special genre of Russian parliamentary speech. The author analyses various approaches to parliamentary genres. Parliamentary discourse is viewed as institutional, having a dynamic genre structure.

The research studies the institutional restrictions imposed on statements in the form of a remark. There is a conclusion about the role of procedural regulation in the formation of a system of discourse genres and the possibility to distinguish unregulated and regulated remarks. The State Duma discussions of the early twentieth century are a basis of the research which focuses on unrestricted remarks from the hall and their

genre status. Parliamentary remarks are classified according to the communicative aspect. The article presents the results of the analysis of more than 200 statements by members of the State Duma from the hall, recorded in official transcripts. Three types of remarks are singled out: an interrogative remark, a replying remark and an imperative remark. The conclusion is made about the provocative nature of the remark as a parliamentary genre. The functional features of two types of remarks are distinguished: a regulated remark is conventional and dialogic; an unregulated remark is aggressive and provocative. The main features of an unregulated remark are non-normativeness in terms of procedural regulations, super-briefness (one phrase), reactivity, expressiveness, evaluativeness and provocativeness.

Keywords: remark, genre, parliamentary speech, parliamentary discourse, institutional discourse, provocative-ness, parliamentary regulations, conventionality

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-012-00111 “Russian nationalism in the linguistic aspect: pragmatics, dynamics, expertise”.

For citation: Gromyko S. A. Unrestricted remark as a genre of parliamentary speech (based on Russian parliamentary discourse of the early XX century). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 237–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-237-244>, EDN: HITTKD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики речи является параметризация речевого общения, которая предполагает выявление значимых параметров ситуации общения и их связей и взаимообусловленностей имплицитивного типа [1: 13]. Параметризация речи в институциональных дискурсах, которые основываются на «жестких» жанрах и имеют предсказуемую структуру текстов и прогнозируемую модель, является, на первый взгляд, более простой задачей, чем в дискурсах персональных. Однако на деле полевая структура дискурса, длительность и многоуровневость взаимоотношений между актантами, национальная и культурная специфика развития института и другие особенности существенно затрудняют даже не сам процесс анализа, а создание на основе его результатов модели дискурса. По сути, любая полученная модель является лишь частной, отражающей состояние коммуникации в данной культуре на данном этапе развития института. И этап этот может представлять собой очень короткий отрезок существования института, обусловленный экстралингвистическими факторами.

Нельзя не согласиться с мнением В. В. Дементьева, что создание локальных объясняющих моделей речи не самый продуктивный путь для развития теории речевых жанров [1: 12]. В то же время исследование институциональной речи на сегодняшний день, по-видимому, идет именно этим путем. Действительно, когда исследователь изучает, например, парламентские жанры, неизменно возникает большое количество вопросов: парламента какой именно страны? в какой исторический период? какого созыва и при каком раскла-

де политических сил? в период действия какого регламента? и т. п. Сложно изучать парламентскую речь вообще, тем более пытаться строить универсальные модели. В этом плане показательна русская парламентская речь со своей дискретной историей, постоянными изменениями в механизмах созыва и работы, калейдоскопической сменой политического и социального ландшафта (особенно в дореволюционный период существования).

Парламентский дискурс относится к институциональному виду общения. Институциональный дискурс понимается как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух системообразующих признаков: целей и участников общения [2: 7]. В то же время признак институциональности парламентского дискурса проявляется по-разному и с разной степенью в различных жанрах. В. И. Карасик утверждает, что в реальности мы крайне редко встречаемся с абсолютно безличным общением, поэтому персональность так или иначе присутствует и в институциональной коммуникации, а Е. И. Шейгал, придерживаясь широкого подхода к политическому дискурсу, градуирует по оси институциональности большое количество жанров [3: 232–234]. В парламентском дискурсе, очевидно, такая градация также возможна: от жанра доклада председателя комиссии или министра на правительственном часе (максимальное проявление регламентированности, формальности и строгости) к жанру выступления в прениях и до обсуждения законопроектов в кулуарах (неформальность, снижение функции институциональных ролей). Жанр реплики в этом плане интересен своей подвижностью и обусловленностью прагматическими характеристиками высказывания.

Система жанров парламентской речи в настоящее время изучена недостаточно глубоко. Различия в наименовании жанров, их прагматическом статусе, взаимоотношении с другими жанровыми образованиями связаны с разными подходами как к самой парламентской коммуникации, так и к понятию жанра речи [3, 4–6]. При этом материалом для исследования становится чаще всего современный европейский парламентский дискурс [7].

Традиционный подход к парламентской речи изложен в коллективной монографии «Культура парламентской речи», которая представляет собой первый опыт научного осмысления возрождавшегося в начале 90-х гг. XX в. отечественного парламентаризма. Доминирующие в работе ортологический и стилистический аспекты не позволили авторам сконцентрировать свое внимание на дискурсивно-прагматических особенностях коммуникации в парламенте. Однако исследователи отмечают многообразие, неоднородность парламентских жанров и специфику их языковых особенностей [4: 20]. В работе выделяются следующие основные жанры: доклад, официальный депутатский запрос, реплика, вопрос, информация, дискуссионное выступление, «причем четкого жанрового разграничения провести не представляется возможным» [4: 34]. Ценным представляется замечание, что жанровое своеобразие связано не столько с языковыми канонами, сколько со спецификой политической жизни [4: 34].

Авторами монографии парламентская реплика определяется как «краткое возражение, замечание, высказывание с места по содержанию речи оратора» [4: 44]. Реплика может содержать присоединение к высказанному мнению, выражать предложение или несогласие с выступлением оратора. Особой разновидностью реплики является реплика-вопрос, содержащая оценочность и вводящая в дискуссию новую проблему. Приведенные в работе примеры показывают, что Е. М. Лазуткина, автор соответствующего раздела коллективной монографии, рассматривает в качестве жанра реплики исключительно регламентированные высказывания депутатов с места, то есть такие вопросы и замечания, которые были разрешены председательствующим не с трибуны [4: 44–45]. Таким образом, реплика, по Е. М. Лазуткиной, обладает следующими признаками: краткость, регламентированность, оценочность, дискуссионность, реактивность (возникает не сама по себе, а как реакция на дискуссионное выступление).

К. Илие, анализируя с позиций институциональности выступления в европейских

парламентах, выделяет следующие жанры парламентской коммуникации: министерские отчеты, речи, интерpellации (короткие дебаты), дебаты, устные/письменные вопросы, «время запросов» [6: 9]. Из приведенной классификации видно, что ее основанием являются не столько языковые и дискурсивные особенности высказываний, сколько их отношение к регламенту. Реплика при этом не рассматривается как отдельный жанр, а входит в состав интерpellации как составляющая дебатов по частным вопросам.

В некоторых работах предлагается принципиально иная таксономия: сам парламентский дискурс рассматривается как жанр политического дискурса, а привычные жанровые образования – парламентское выступление, заявление министра, парламентские дебаты, интерpellации, устные и письменные вопросы – именуется его поджанрами [5: 133–134]. Такой подход также основан на регламентном статусе речевых произведений и не рассматривает реплику в качестве самостоятельной жанровой единицы.

Данная статья представляет собой результат исследования 215 высказываний с места депутатов дореволюционной Государственной Думы, зафиксированных официальными стенографическими отчетами. Целью работы являлась параметризация жанра нерегламентированной парламентской реплики. Материалом для исследования послужили официальные стенографические отчеты о работе Государственной Думы 1911–1914 гг. Такой период был выбран не случайно: согласно нашим данным, интенсивность реплицирования с места в российском парламенте в предвоенные и военные годы резко повысилась по сравнению с работой Первой и Второй Государственной Думы. С учетом специфики дискурса было принято решение отбирать и анализировать реплики членов Думы близких политических платформ – умеренных и крайне правых монархистов. Высказывания анализировались следующим образом:

- 1) устанавливалась политическая принадлежность автора высказывания с места (реплики) и оратора, анализировались сложившиеся между ними публичные взаимоотношения в парламенте;
- 2) анализировалась реакция на реплику со стороны оратора, председательствующего и других членов Думы;
- 3) определялся характер смысловой взаимосвязи реплики с речью оратора;
- 4) устанавливались экспрессивные и оценочные особенности семантики реплики;
- 5) анализировались формальные особенности реплики;

б) анализировались языковые особенности реплики.

**Нерегламентированная реплика:
институциональные и дискурсивные
особенности**

С точки зрения дискурсивных характеристик реплика может быть как институциональной, то есть предусмотренной регламентом, так и оформляться в жанр независимо от него, если она не разрешена документально. Так, например, если схожие по форме и содержанию краткие высказывания не предусмотрены регламентом и не разрешены спикером (председательствующим), однако в одних и тех же условиях регулярно и в большом количестве продуцируются агентами дискурса и являются коммуникативно значимыми, можно говорить о развитии «неформального», нерегламентированного жанра реплики. В данном случае уместно вспомнить высказывание М. М. Бахтина о жанре как о типичных формах высказывания в типичных ситуациях [8: 181]. Как соотносятся регламентированные и нерегламентированные реплики? Рассмотрим подобные образования в русском парламентском дискурсе начала XX в.

Определим место реплики как жанра парламентской речи в регламенте Государственной Думы. В основных документах, направленных на организацию работы русского парламента начала XX в. и составленных еще до начала функционирования Думы (например «Учреждение Государственной Думы»), нет упоминания о конкретных жанрах парламентских высказываний. Актом, регламентирующим в том числе речевое поведение депутатов, должен был стать Наказ Думы. А. Ф. Саврасов в своей диссертации подробно и глубоко проанализировал историю создания и функционирования Наказа Государственной Думы и сделал вывод, что «всё время своего существования Дума проработала с регламентом, который так и не стал законом в формальном смысле» [7: 21]. Регламент постоянно дорабатывался, видоизменялся, корректировался, но так и не был опубликован официально, так как не был утвержден Сенатом. Это привело к интересному явлению: представители общественности, исследователи работы Думы в условиях отсутствия доступа к документам комиссии по Наказу создавали работы, в которых пытались моделировать регламент русского парламента на основании опубликованных стенограмм заседаний, регламентов французского и английского парламента, а также своих представлений об эффективности работы представительного органа власти.

Так, в 1907 г. была издана книга приват-доцента Санкт-Петербургского университета А. Пиленко «Русские парламентские прецеденты» с подзаголовком «Материалы для Наказа». В ней исследователь обращает особое внимание на организацию прений. В качестве основного правила думских прений Пиленко предлагает ввести в Наказ следующую фразу: «Никто не имеет права говорить, доколе ему не предоставлено слово председателем» [9: 83]. С ней же связана и другая норма: «Говорить следует с кафедры» [9: 83]. Автор книги, основываясь на текстах стенограмм заседаний Думы, отмечает, что это правило не раз повторялось председательствующими, но зачастую нарушалось депутатами. Важным, по мнению А. Пиленко, должен быть четко прописанный в Наказе запрет на непосредственные вопросы со стороны оратора министрам и депутатам [9: 83]. Предложенные А. Пиленко формулировки отражают принятое представление о коммуникации в парламенте как об институциональном, формальном и в основе своей ритуальном общении, направленном на выработку политического решения. В то же время стенограммы даже поздних созывов, когда основные положения Наказа были уже выработаны, отражают регулярное нарушение этих норм.

Шингарев: Мы знаем положение массы магометанского населения, которое страдает от неправопорядка и религиозного (Пуришкевич: Переходите скорее к жидам)... Сию минуту, депутат Пуришкевич, если вы будете вести себя тихо... И мы знаем наконец вопрос самый крупный из всех этой категории вопросов – вопрос еврейского неправопорядка (Возгласы справа: О-о-о).

Председательствующий: Член Государственной Думы Пуришкевич, пожалуйста, без вопросов с места.

Шингарев: Вы будете иметь возможность потом мне возражать, а не кричать с места. (Пуришкевич: Да я и не хочу)

Председательствующий: Член Государственной Думы Шингарев, пожалуйста, продолжайте Вашу речь [10: 431].

В этом примере реплики Пуришкевича с места, прерывающие выступление с трибуны Шингарева, признаются нарушающими регламент, в результате чего председательствующий выносит устное замечание Пуришкевичу. В то же время массив таких реплик в Думе Третьего созыва просто огромен: один только Пуришкевич, по нашим подсчетам, в 1913 г. за месяц участия в заседаниях Думы прерывал ораторов с места около 30 раз. Далеко не каждое такое нарушение вызвало реакцию со стороны председательствующего, а в ряде случаев эта реакция была достаточно

вялой и представляла собой просьбу не прерывать оратора. Важным представляется сам факт фиксации этих высказываний в стенограммах заседаний Государственной Думы, которые имели статус документа, подписывались председателем Думы и публиковались достаточно оперативно. Можно говорить о некоем парадоксе отношения к этому жанру актантов дискурса: с одной стороны, депутаты воспринимали его как маргинальный, запрещенный, не соответствующий нормам речевого поведения, с другой – охотно его использовали и давали ему институциональное одобрение и закрепление в официальных стенограммах.

Такие нерегламентированные реплики стали систематическими в прениях уже Второй Государственной Думы. В парламентах последующих созывов формальные и неформальные лидеры всех фракций высказывались с места подобным образом. Лидерами по использованию данного формата высказываний были также Е. Н. Марков, П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. Ф. Керенский, Е. П. Гегечкори, М. С. Аджемов. Коммуникативная значимость подобных реплик выражается в их непосредственном влиянии на развитие дискуссии: оратор с трибуны зачастую реагировал на высказывания с места, корректировал план своей речи, вступал в словесную перепалку.

Щепкин: Эта фраза, которая в дореформенное время в «Русских Ведомостях» печаталась невозбранно, и за это их не останавливали, с разрешения цензуры. (Шингарев: Прочитайте. Пуришкевич: князь Долгоруков ничего умного не скажет). Вопрос об уме субъективный. Я, например, могу признать многих здесь сидящих неумными, но я не заявляю этого (Голос справа: Что такое? Шум) [10: 157].

С точки зрения оценочности в абсолютном большинстве случаев нерегламентированная реплика носит негативный характер и прямо или опосредованно выражает негативную оценку оратора за трибуной либо предмета речи. Именно поэтому она была направлена чаще всего не просто на политического оппонента, а на лидера фракции оппонентов. Целью реплики в этом случае можно назвать понижение политического статуса оратора и снижение значимости его выступления. Однако в некоторых случаях высказывание с места обладало позитивной оценочностью и имело своей целью выражение поддержки и одобрения словам оратора. Естественно, что это происходило лишь тогда, когда за трибуной находился однопартиец автора реплики.

Барон Черкасов: Тут говорят о земских начальниках, но это объясняется, конечно, полной неосведомленностью. Земские начальники ровно ничего от этих сборов не получали. Я, господа, должен, конечно, говорить не о земских начальниках, потому что это вздор, а говорить о другом, что в самом деле есть. (Марков с места: Bravo!) [11: 2269].

Оценке могли подвергаться различные аспекты монологического выступления депутата. Например, типичным приемом Н. Е. Маркова являлась оценка степени убедительности высказывания или ораторских способностей докладчика.

Ефремов:...а в настоящее время, господа, и правду забыли, остался один устрашающий произвол (Марков с места: слабо)... В этой декларации говорится, что закон приемлем лишь при радикальном изменении его по целым девяти пунктам, а я скажу, что он приемлем только без этого радикального изменения, а при таком радикальном изменении он неприемлем (Марков с места: очень слабо, плоховато) [11: 2128–2129].

Прямой оценке могли подвергаться любые факты, лица, события, упоминавшиеся оратором с трибуны.

Гегечкори: Но этим решение вопроса господин Щегловитов не удовлетворился. Он учиняет формальное следствие над бывшим товарищем председателя и в конце концов при содействии патриотов местных, при содействии одной газеты, издающейся товарищем Пуришкевича и Маркова – «Русский Север» (Марков с места: Хорошая газета) – создается целая клевета инсинуаций и прочая против этого бывшего председателя... [11: 3210].

Типология нерегламентированных реплик

С коммуникативной точки зрения реплики с места в дореволюционной Думе были крайне разнообразными. Они представляли собой живую непосредственную реакцию депутатов на монолог оратора за трибуной, поэтому каждое такое высказывание представляло собой, по сути, попытку вывести оратора на диалог и тем самым изменить его коммуникативные установки. Целесообразно выделить следующие формальные разновидности типы реплик:

- 1) реплика-вопрос. Вопрос с места, прерывающий выступление, мог носить уточняющий характер, в случае если оратор оговорился или представил сведения, требующие комментария, но чаще всего задавались вопросы, указывавшие на некомпетентность оратора, стремление

манипулировать фактами, неумение логические выстроить высказывание и т. п.

Гегечкори: У меня имеется дело о бывшем товарище председателя Вологодского окружного суда Л. Н. Бровковиче. Этот господин сделался бывшим председателем Вологодского окружного суда за следующее преступление. **(Крупенский с места: сделался председателем за преступление?)** Вот послушайте сейчас [11: 3209].

Клочков: Это вице-губернатор Григорьев, которого сейчас назначили Сахалинским губернатором. Приехал, захватил с собой крестьян-старшин, этих старшин пустили впереди карательного отряда, впереди солдат, и солдаты берут ружья на руку, на прицеле и с песней идут... Какие же это враги? **(Марков с места: Нельзя ли по сме-те?)** Это к смете и есть [11: 3624];

2) реплика-ответ. Чаще всего это ответ на риторический вопрос либо на вопрос к коллективному адресату. В любом случае этот ответ не ожидался оратором, выступавшим с трибуны, и потому существенно снижал пафос выступления.

Гегечкори: И вот мы внесли вам этот запрос, настаиваем на его спешности и требуем, чтобы вы дали ответ московским избирателям; мы требуем, чтобы вы в конце концов выразили свое отношение: находите ли вы закономерным то преследование, которое учиняет московская администрация против социал-демократических избирателей? **(Марков с места: да, находим)** Господин Марков дает реплику, что он находит, – это и требовалось доказать [11: 1216];

3) реплика-императив. Апеллирование к конкретному оратору на трибуне, равно как и обращение к отдельным депутатам на местах зачастую вызывали замечание председательствующего. Однако никакие санкции за это не применялись, поэтому словесные перепалки, содержащие повеления, призывы, пожелания, просьбы, встречаются достаточно часто.

Родичев:...но вы себе представьте добросовестного полемиста с социализмом, который обязан полемизировать с социалистами, потому что в помощь его полемике прислали городских и частного пристава, подкрепленных академистами и товарищами Сашки Половнева для борьбы с социализмом. Да какой же уважающий себя человек будет бороться с социализмом наряду с такими союзниками? Ведь это совершенно невозможная вещь. **(Марков с места: товарищ Сазонова, не увлекайтесь)** Я не знаю, господа, вероятно, здесь есть другие товарищи Сазонова, вы ошибаетесь, между вами есть товарищи прокурора, товарищи сыщи-

ка, я не знаю, есть ли товарищи Сазонова. Вероятно, есть такие, которые говорили Сазонову «товарищ» [11: 1480].

С точки зрения характера смысловой взаимосвязи реплики и текста развернутого выступления выделяются автономные и комплетивные реплики. Автономные реплики выражают непосредственную эмоциональную реакцию говорящего на высказывание оратора и не вносят в выступление новую информацию. Такие реплики, как правило, замкнуты на своем авторе, на его отношении к говорящему и предмету речи и не содержат смысловой ретроспекции или проспекции комментируемого текста. Следствием этого является низкая реактивность оратора на реплику: стенограммы заседаний Думы отражают продолжение выступления без отвлечения говорящего на высказывание с места.

Керенский: Вы знаете, господа, перед нами ведь пример недавний. Вы знаете, господа, когда в этом году летом был знаменитый процесс балтийских матросов **(Пуришкевич: Ага)**, вы знаете, что князь Мещерский, этот ваш человек, он напечатал в своей газете о том, что все это дело балтийских матросов было создано в департаменте полиции [10: 248].

Родичев: И я взошел сюда на кафедру, чтобы повторить этот возглас по адресу министерства юстиции **(Марков с места: Повторите)**, ибо, господа, смертная казнь по так называемой судебной ошибке есть убийство [11: 3225].

Комплетивная реплика – это разновидность нерегламентированной реплики, дополняющая, с точки зрения говорящего, важной информацией речь оратора. Попутно с введением новой информации происходит понижение пафоса монологического выступления, отвлечение оратора от главной мысли, вовлечение его в словесную перепалку. Смысловое дополнение может быть связано с указанием на источник, уточнением обстоятельств событий, отраженных в выступлении, называнием имен и должностей, а в ряде случаев и с указанием на недостоверность сообщаемого материала.

Миллюков: В составе редакции, членом которой я имею честь состоять, есть старые и опытные люди, которые во время самодержавной России при старой цензуре умели справляться с требованиями цензуры и знали приблизительно, за что можно ждать цензурной кары. А в России конституционной **(Пуришкевич: Такой нет, нема; шум, звонок председателя)** мы просто теряемся [10: 74].

Шингарев: Позвольте вам напомнить суть этого дела. В Глинском уезде в Почепе

убита зверски еврейская семья (**Пуришкевич: Вы это у Кони читали**). Нет, я читал речи защитников и описание процесса [10: 434].

Все перечисленные типы реплик носят откровенно провокативный характер, так как в их основе лежит демонстративность речевого поведения [12: 37]. Признак демонстративности реализуется в речевом действии открытого прерывания участника дискурса, произносящего институционально разрешенный публичный монолог с трибуны. В то же время реплику необходимо отделять от возгласов с места, смеха и иных паравербальных явлений, которые также направлены на провоцирование оратора, однако не оформлены в смысловом и структурном отношении.

Дискурсивная специфика нерегламентированной реплики обуславливает ее яркие языковые характеристики. Обращает на себя внимание доминирование дейктических элементов, связанных с реактивностью реплики и ее включенностью в речь другого спикера. Дейксис семантически богат и выражен в первую очередь личными и указательными местоимениями, а также местоименными наречиями. Можно выделить следующие виды дейксиса в репликах с точки зрения объекта идентификации:

- а) персональный – Керенский: Господа, когда мы открывали съезд и когда я был выбран председателем, что я считаю величайшей честью за всю свою жизнь, я, господа, обращаясь к съезду, сказал, что мы примем все меры, мы будем идти на всё, чтобы довести съезд до конца. (**Пуришкевич: Вы какой приказчик?**) [10: 415];
- б) тематический – Милюков: Розмитальский – разорившийся ростовщик с репутацией «опытного сыщика» (**Пуришкевич: Это оскорбление свидетелей**) [10: 78];
- в) временной – Демченко: Министерство финансов эту систему исчисления чистого дохода и продления казенного налога преподнесет и для деревни, и для землевладельцев... (**Марков: Мы тогда посмотрим**) Мне кажется, смотреть не нужно, нужно делать и не откладывать чего-нибудь на после [10: 1171];
- г) пространственный – Соколов Второй: Для меня, господа, этот момент ужасен. Это страшное духовное падение для меня ужасно. Читать, что дело дошло до оскорбления действием в университете... Но, господа, позвольте вас спросить, кто виноват во всем этом? Я вам сейчас дам ответ (**Марков с места: Его там зашибли; смех справа**) [11: 3428].

На уровне синтаксиса в реплике доминируют неполные предложения, что является результатом контекстуальной обусловленности высказывания с места. По типу это чаще всего диалогически неполные предложения: реплика разрушает монолог оратора, переводя его в несанкционированный диалог. **Аджемов: Собирается приказчиный съезд, который созывается в Москве после того как идут долго переговоры с Министерством внутренних дел. (Пуришкевич: а спешность?) Это и есть спешность, ибо надо обосновать необходимость теперь же принять этот запрос и поэтому депутату Пуришкевичу следует до конца выслушать** [10: 151].

Обращает на себя внимание и распространенность односоставных предложений, в первую очередь безличных со сказуемым, выраженным категорией состояния и словом «нет». **Аджемов: ...Мы подчеркиваем, что и после восьми лет существования русской конституции (Пуришкевич: Нет ея, вздор)** [10: 146]. **Антонов: Господа. Мы будем голосовать за ту формулу, которая предложена членом Государственной Думы Свенцицким и которая гласит... (Замысловский: Стыдно!)** [10: 784]. **Ростовцев: Что касается замечания господина Маркова, что здесь мною и моими товарищами поставлен какой-то капкан для зверей, я не знаю, к какой породе зверей причисляет себя Марков, но во всяком случае ловить его не желаю (Замысловский: Легче, легче)** [10: 1637]. Таким образом лаконично характеризуется состояние предмета речи и коммуникантов, отношение к оратору со стороны репликанта, ораторские способности выступающего.

Выводы

В процессе анализа парламентских жанров нельзя опираться исключительно на регламент или иные нормативные акты, так как институциональные ограничения проявляются не только в виде документов, регламентирующих деятельность института, но и в типичных коммуникативных ситуациях, не предусмотренных регламентом или даже нарушающих его. В институциональных дискурсах возможно речевое поведение, нормативно не регулируемое писаными нормами или даже противоречащее им, но ставшее коммуникативным стандартом. Речевые жанры, соответственно, могут быть заявленными регламентом либо появившимися в результате специфики развития дискурса и функционирующими по своим законам.

На примере речевого жанра реплики видно, что в парламентском дискурсе краткое высказывание с места может быть как инсти-

туционально предусмотренным и официально разрешенным, так и не предусмотренным регламентом либо нарушающим его, но принятым агентами в качестве типичного речевого действия в типичных условиях (агрессивное выступление лидера фракции-антагониста). При этом коммуникативная функция этих высказываний принципиально различна: регламентированная реплика конвенциональна, диалогична и направлена на развитие дискуссии, нерегламентированная – провокативна и агрессивна даже в тех редких случаях, когда выражает согласие с оратором.

Таким образом, нерегламентированная реплика – особый жанр высказывания в русской парламентской коммуникации. Для него характерны такие особенности, как ненорма-

тивность с точки зрения регламента, сверхкраткость (одна фраза), реактивность, экспрессивность, оценочность, провокативность. Основными целями такого реплицирования являются разрушение пафоса выступления оратора, изменение эмоционального состояния самого члена парламента, втягивание его в бытовые формы спора, осмеяние, то есть всё то, что влечет понижение политического статуса оппонента.

Важным критерием наличия в парламентском дискурсе нерегламентированной реплики является ее последовательное отражение в официальных стенограммах заседаний, что является подтверждением признания ее коммуникативной значимости для агентов данного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С.5–20.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 420 с.
4. Культура парламентской речи. М. : Наука, 1994. 361 с.
5. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А., Лесняк М. В. Особенности жанровой системы парламентского дискурса // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 133–140.
6. European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices / ed. Cornelia Ilie. John Benjamins Publishing, 2010. 386 p.
7. Саврасов А. Ф. Наказ Государственной Думы (1906–1917 гг.): история создания и применения: автореф. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. 23 с.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
9. Пиленко А. Русские парламентские прецеденты. Ч. 1. СПб., 1907. 127 с.
10. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1913–1914 год. Сессия 2. Ч.1. Заседания 1–28. Санкт-Петербург, 1914. 2094 стлб.
11. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1911 год. Сессия 4. Ч.1. Заседания 39–73. Санкт-Петербург, 1911. 3722 стлб.
12. Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб. : Роза мира, 2008. 268 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

2. Karasik V. I. On the types of discourse. In: *Linguistic personality: institutional and personal discours: coll. sci. arts*. Volgograd, Peremena, 2000, pp. 5–20 (in Russian).

3. Sheygal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnosis, 420 p. (in Russian).

4. *Kul'tura parlamentskoy rechi* [The Culture of Parliamentary Speech]. Moscow, Nauka, 1994. 361 p. (in Russian).

5. Matveyeva G. G., Zyubina I. A., Lesnyak M. V. Peculiarities of the genre system of the parliamentary discourse. *Political Linguistics*, 2016, no. 4 (58), pp. 133–140 (in Russian).

6. Ilie C., ed. *European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices*. John Benjamins Publishing, 2010. 386 p.

7. Savrasov A. F. *Decree of the State Duma (1906–1917): The history of creation and application*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Hist.). Voronezh, 2010. 23 p. (in Russian).

8. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Collected works, vol. 5. Works 1940–1960*. Moscow, Russkie slovari, 1996. pp. 159–206 (in Russian).

9. Pilenko A. *Russkiye parlamentskiye pretsedenty. Ch. 1*. [Russian parliamentary precedents. Part 1]. Saint Petersburg, 1907. 127 p. (in Russian).

10. *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. 1913–1914 god. Sessiya 2. Ch. 1. Zasedaniya 1–28* [The State Duma. Verbatim reports. 1913–1914 Session 2. Part 1. Sessions 1–28]. Saint Petersburg, 1914. 2094 columns (in Russian).

11. *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. 1911 god. Sessiya 4. Ch. 1. Zasedaniya 39–73* [The State Duma. Verbatim reports. 1911 Session 4. Part 1. Sessions 39–73]. Saint Petersburg, 1911. 3722 columns (in Russian).

12. Stepanov V. N. *Provotsirovaniye v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Provocation in social and mass communication]. Saint Petersburg, Roza mira, 2008. 268 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.02.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted 17.02.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 16.05.2022